

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47).084.8-9+929-054.72

ПИСЬМА ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА МАКЛАКОВА К АЛЕКСАНДРУ ФЕДОРОВИЧУ КЕРЕНСКОМУ. 1948–1949

О. Г. Леонтьева

Тверской государственный университет,
кафедра документоведения, архивоведения и историографии,
г. Тверь, Россия

В представлены результаты изучения переписки В. А. Маклакова и А. Ф. Керенского за 1944, 1948–1949 гг. В письмах В. А. Маклакова содержится анализ политической ситуации во Франции и России, дается характеристика советской власти и русской эмиграции во Франции, оцениваются возможности русской эмиграции по освобождению от большевизма и возрождению России. Автор отмечает, что особое место в письмах В. А. Маклакова занимает обсуждение встречи представителей русских эмиграционных кругов с советским послом в 1945 г. в Париже. Автор анализирует взгляды В. А. Маклакова на политическое устройство России, на задачи и возможности русской эмиграции, выявляет его отношение к сотрудничеству с советской властью, к возможности государственного переворота в Советском Союзе.

Ключевые слова: *русская эмиграция, частные письма, В. А. Маклаков, А. Ф. Керенский, освобождение от большевизма, сотрудничество эмиграции с советской властью.*

В мае 2019 г. исполняется 150 лет со дня рождения видного российского политического деятеля Василия Алексеевича Маклакова. Политики такого уровня обычно оставляют значимое эпистолярное наследие, тем не менее новые дополнения, например, неопубликованные документы, позволяют разнообразить и расширить уже существующий комплекс источников. К подобным документам можно отнести несколько писем В. А. Маклакова, написанных им в годы эмиграции и обращенных к А. Ф. Керенскому. Изучение истории русской эмиграции в настоящее время основано больше на интересе к отдельным личностям, нежели к явлению в целом. Кроме того, при достаточно большом круге авторов и работ, с нашей точки зрения, отсутствует систематизированный подход к теме, исследования выглядят разрозненными, основанными на случайном интересе. Попытка объединить авторов и систематизировать материал была предпринята составителями биографического словаря «Исследователи русского зарубежья», из-

данного в 2018 г.¹ Конечно, издание фундаментальных трудов по истории русской эмиграции, анализирующих и оценивающих это явление, остаётся важной задачей отечественной исторической науки. С нашей же точки зрения, любое по форме обращение к такому историческому явлению, как русская эмиграция, позволяет лучше понять процесс и создаёт основу для дальнейшего обобщения и выводов, тем более это касается частных неопубликованных документов (записей, дневников, писем, черновиков) хотя бы потому, что большая часть этих документов находится вне России.

Письма В. А. Маклакова в настоящее время хранятся в одном из крупнейших архивов Техаса (США) – Центре гуманитарных исследований имени Харри Рансома (The Harry Ransom Humanity Research Center) при Техасском государственном университете, в составе фонда А. Ф. Керенского².

В. А. Маклаков и Александр Фёдорович Керенский оказались в эмиграции после октябрьских событий 1917 г. в России. Политическая карьера В. А. Маклакова началась с судебных процессов, он неоднократно защищал подсудимых на политических процессах. Например, в качестве одного из адвокатов принимал участие в громких процессах М. Бейлиса (1913 г.) и депутатов I Государственной думы (1907 г.). В. А. Маклаков избирался в Государственную думу II, III и IV созывов от конституционно-демократической партии (кадеты). После событий февраля 1917 г. выполнял обязанности комиссара Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, затем – председателя Юридического совещания при Временном правительстве. В качестве члена Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии В. А. Маклаков активно участвовал в подготовке Собрания. В 1917 г. Василий Алексеевич был назначен послом во Францию. В Париж он прибыл 11 октября 1917 г. за две недели до взятия власти в России большевиками, большую часть своей жизни в эмиграции он прожил во Франции.

А. Ф. Керенский после падения Временного правительства и неудачных попыток свержения правительства большевиков в 1918 г. выехал из России сначала в Лондон, затем в Париж; до 1940 г. он жил во Франции, но после оккупации Франции гитлеровскими войсками переехал в США. Именно к годам пребывания А. Ф. Керенского в США относится его переписка с В. А. Маклаковым, оставшимся во Франции.

В. А. Маклаков являлся не единственным корреспондентом А. Ф. Керенского. Фонд Керенского³ представляет собой уникальный комплекс до-

¹ Гентшке В. Л., Сабенникова И. В., Ловцов А. С. Исследователи русского зарубежья: биографический словарь. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 396 с.

Gentshke V. L., Sabennikova I. V., Lovtsov A. S., *Issledovateli russkogo zarubezh'ya: biograficheskij slovar'*, Moskva, Berlin, 2018.

² Harry Ransom Humanity Research Center (HRHRC). Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120.

³ Быкова Л. А. Архив А. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3.

Bykova L. A., *Arkhiv A. F. Kerenskogo v TSentre gumanitarnykh issledovanij Tekhasskogo universiteta*, Otechestvennye arkhivy, 2001, № 3.

кументов, большую часть которого составляет переписка периода Второй мировой войны (1938–1949 гг.) с русскими эмигрантами, в основном обосновавшимися во Франции. Весь список корреспондентов Александра Федоровича включает 26 человек, в их числе были писатели М. А. Алданов (Ландау), Н. Н. Берберова, В. М. Зензинов, Е. А. Извольская, политические и общественные деятели Е. Д. Кускова, А. И. Коновалов, М. М. Тер-Погосьян, С. П. Мельгунов, литератор Н. П. Вакара, философ Г. П. Федотов. В. А. Маклаков не был постоянным корреспондентом А. Ф. Керенского, как, например, А. И. Коновалов и Н. Н. Берберова, в фонде сохранилось всего десять его писем, написанные им в 1948–1949 гг. из Парижа. Кроме того, два письма В. А. Маклакова, датированные октябрём 1944 г. и январём 1945 г., были вложены в письма других корреспондентов А. Ф. Керенского и являлись комментариями к событиям, описанным в письмах этих авторов, т. е. касались частных ситуаций.

Письма 1948–1949 гг. представляют собой автографы, написанные на русском языке, в отличие от писем 1944–1945 гг., написанных на французском и английском языках. Основной темой писем является Россия – её освобождение от большевизма, политическое устройство, историческая судьба. Некая характеристика даётся и советской власти, но складывается такое впечатление, что советская власть существует отдельно от России, как нечто случайное, что рано или поздно просто исчезнет. В письмах В. А. Маклаков описывает также послевоенную ситуацию во Франции, но и это представляется через призму отношения Франции и Европы к России. Наконец, ещё одна тема писем – русская эмиграция, её задачи и роль в послевоенный период европейской истории.

Несмотря на победу Советского Союза в войне и усиление его позиции на мировой арене, а, следовательно, и укрепление советской власти, главным вопросом для В. А. Маклакова в 1948–1949 гг. оставался вопрос об освобождении России от большевизма. Он, как следует из его письма, предполагал два пути решения этого вопроса: переворот и эволюцию⁴.

В то же время Василий Алексеевич учитывал произошедшие изменения и писал, что он готов поверить в то, что массы не будут поддерживать этот режим, как поддерживали его против Гитлера, но советское государство приобрело за годы «совершенный и сплоченный аппарат»⁵, позволяющий удержать массы. Ещё в 1944 г. он писал А. Ф. Керенскому, что «советская власть должна теперь рассматриваться как русская национальная власть»⁶. Без поддержки со стороны народных масс, по мнению В. А. Маклакова, не следовало рассчитывать на легкое свержение существующей

⁴ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 14.04.1949.

⁵ Там же. Письмо от 03.10.1944.

Ibid, Pis'mo ot 03.10.1944.

⁶ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 14.04.1949.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 14.04.1949.

власти. Он прямо указывал, что «вдохновляющие эмиграцию Америки перемещённые лица», как и белогвардейцы в 1919 и 1920 г. «не понимают, что без поддержки масс их легко разбить в военных походах»⁷.

В связи с этим В. А. Маклаков допускал свержение советского режима с помощью «натиска извне», но не считал, по-видимому, такой план совершенным, поскольку добавлял: «Эти возможности вне нашей воли, от них будет зависеть, что будет с Россией. Да ведь надо ещё знать, что из себя к этому времени будут представлять сами спасители»⁸.

Возможности «спасителей» же, как следует из писем В. А. Маклакова, вызывали у него большие сомнения. В ноябре 1948 г. он с горечью писал о Франции: «Я по-прежнему очень мрачно смотрю на будущее Франции, а может быть и Европы», видя причины этого в отсутствии «всякого гражданского долга»⁹. С точки зрения Василия Алексеевича, чувство безнаказанности, сформированное войной, привело к утрате «личной совести», к разбоям, «подвигам» чёрного рынка, продажности администрации. Он отказывался видеть в этом «руку Москвы»¹⁰, хотя считал, что Кремль может добиться определённого успеха на европейской политической арене¹¹. В письме от 20 декабря 1948 г. Василий Алексеевич охарактеризовал сложившуюся в Европе ситуацию как ситуацию, при которой возможна глобальная победа коммунизма: «... я не вижу, почему не он победит в этих государствах. В каждом из них есть готовый элемент коммунизма»¹². И дальше продолжил: «... поучительно, что те, кто испытал прелесть коммунистического режима, на него насмотрелся, тех ещё соблазняет и увлекает цивилизованный мир, с капитализмом и демократизмом. А те, кто его не видели, и не испытали, но кого задевали недостатки современного строя, социальное неравенство, незащищённость против сильных и т. д., те в виде реакции тяготеют к коммунизму»¹³.

Таким образом, спасение России «натиском извне» становилось весьма проблематичным для В. А. Маклакова. Скорее всего, рассчитывать пришлось бы на свои силы или какое-либо особое стечение обстоятельств. Но способна ли была русская европейская эмиграция организовать и осуществить смену режима в России? В. А. Маклаков ответил на этот вопрос

⁷ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 14.04.1949.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 14.04.1949.

⁸ Там же.

Ibidem.

⁹ Там же. Письмо от 03.11.1948.

Ibid, Pis'mo ot 03.11.1948.

¹⁰ Там же.

Ibidem.

¹¹ Там же. Письмо от 01.03.1948.

Ibid, Pis'mo ot 01.03.1948.

¹² Там же. Письмо от 20.12.1948.

Ibid, Pis'mo ot 20.12.1948.

¹³ Там же.

Ibidem.

отрицательно. В письме к А. Ф. Керенскому 3 июня 1949 г. он написал об эмиграции как о силе, не способной реально бороться с большевиками: «... нельзя достигнуть большевиков, но можно бойкотировать тех, кто недостаточно их ненавидит, как Бунин ...»¹⁴. И далее звучат нотки горечи: «... всё это – те эмигрантские нравы, нравы бессилия и бездеятельности, о которых так хорошо писал Герцен. Боюсь, что это – судьба всех эмигрантов»¹⁵.

С точки зрения В.А. Маклакова переворот мог бы произойти тогда, когда режим сам усомнился бы в себе. Причину лёгкой победы в феврале 1917 г. Василий Алексеевич как раз и видел в том, что существовавший в то время режим «не умели и не хотели» защищать, по сути, режим сам отказался себя защищать. Для свержения советского режима также было необходимо, чтобы он в себе разуверился, в связи с чем В. А. Маклаков писал А. Ф. Керенскому: «Я потому и думаю, что переворот может произойти только тогда, когда они в себе усумнятся и начнут исправляться. Это будет сигналом, как в России 1905 г. ...»¹⁶

Говоря о перевороте как средстве избавления от власти большевиков, В. А. Маклаков не ставит знака равенства между переворотом и революцией. Более того, В. А. Маклаков, как следует из его письма от 23.10.1948 г.¹⁷, категорически не принимал такое изменение политического порядка как революция. В октябре 1948 он написал: «Я не верил в преимущества того, что мы называем “революцией” в отличие от “Реформы” и “государственного переворота”»¹⁸. Особенно резко отрицательно он охарактеризовал действия А. Желябова и «первомартовцев», называемые «казнями», считая эту форму борьбы наиболее гнусной¹⁹.

Государственный переворот рассматривался В. А. Маклаковым как вполне легитимное явление в отличие от революции. Примером такого легитимного изменения государственного порядка Василий Алексеевич считал события, связанные со свержением Петра III, убийством Павла I и «актроированием» конституционной монархии в 1905 г.²⁰, поскольку сохранялась преемственность власти. В письме к А. Ф. Керенскому он писал: «При переворотах существующая государственная власть обыкновенно принуждается их сделать против желания, иногда средствами очень действительны-

¹⁴ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 03.06.1949.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 03.06.1949.

¹⁵ Там же.

Ibidem.

¹⁶ Там же. Письмо от 03.11.1948.

Ibid, Pis'mo ot 03.11.1948.

¹⁷ Там же. Письмо от 23.10.1948.

Ibid, Pis'mo ot 23.10.1948.

¹⁸ Там же.

Ibidem.

¹⁹ Там же.

Ibidem.

²⁰ Там же.

Ibidem.

ми, но делает их все же сама; потому видимость преемственности “порядка” и власти сохраняется. Этого уже не было в феврале 1917 года»²¹. Очевидно, что для него, как для юриста, вопрос законности передачи власти был основным вопросом всех «смутных» времен.

Рассуждая об управлении государством, В. А. Маклаков особую, главную роль отводил главе государства. К сожалению, в письмах 1948–1949 гг. он прямо не указал, что именно он понимает под «главой государства», из его рассуждений ясно следует только одно: он не рассматривал «парламентаризм» как идеальное средство достижения демократии, за что оппоненты обвиняли его в «ереси»²².

В. А. Маклаков считал, что прогресс демократии можно рассматривать с двух точек зрения: как «усиление компетенции “представительства” и как “равновесие властей”»²³. С точки зрения Маклакова представительство должно быть подчинено главе государства, чтобы не допустить «самодержавной воли народного представительства». Он писал, что был не согласен с тем, чтобы «представительство» представляло собой государство: «... я восстаю против признания большинства как критерия должного... в представительстве я вижу только защитника интересов и прав отдельных людей и их классов»²⁴. В безоговорочном главенствовании парламентаризма В. А. Маклаков видел даже некую угрозу государству, особенно республике. В пример приводил Францию, писал, что страна – богатая, а государство – бедное; видел причину этого в демократической форме правления: «правительство боится парламента, парламента – своих избирателей», интересы государства не являются приоритетными, котируются частные интересы²⁵.

В письме от 3 ноября 1948 г., отвергая обвинения в политической ереси, он писал А. Ф. Керенскому: «... отрицание “парламентаризма” особенно для республики – не ересь. Парламентаризм – необходимая корректива только для наследственной монархии, в республике он – аномалия; держаться за него в республике можно только предпочитая привилегии парламента пользе страны»²⁶.

²¹ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 23.10.1948.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 23.10.1948.

²² Там же. Письмо от 03.11.1948.

Ibid, Pis'mo ot 03.11.1948.

²³ Там же.

Ibidem.

²⁴ Там же.

Ibidem.

²⁵ Там же. Письмо от 03.06.1949.

Ibid, Pis'mo ot 03.06.1949.

²⁶ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 03.11.1948.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 03.11.1948.

В письме от 24 ноября 1948 г. Василий Алексеевич продолжает свою мысль: «... государство не есть совокупность единиц, как говорят метафизики, оно – мистическое целое... ранее представительство считало себя “самим государством”, но оно только часть целого, целое олицетворяется в обеих палатах и главе государства»²⁷.

Даже по кратким высказываниям в его письмах можно сделать вывод о том, что В. А. Маклаков прогрессом демократии считал именно равенство властей; главную же роль политических партий он видел не в выборе депутатов, а в выборе главы государства.

Возвращаясь к вопросу отношения В.А. Маклакова к советской власти, следует сказать, что в годы войны очень многие эмигранты «увлеклись» советской властью, изменив своё отношение к ней почти на противоположное. В этом сказывалось стремление поддержать Россию. В вопросе о сохранении государства в России эмигранты были на стороне советской власти. Многие русские эмигранты преследовались установившимся после оккупации Франции режимом за антифашистские настроения и поддержку коалиции Великобритания – США – Советский Союз. В. А. Маклаков, активно поддерживающий антигитлеровскую коалицию, был арестован в 1941 г. и 5 месяцев провел в лагере.

Эйфория в эмигрантских кругах от советской власти достигла апогея в 1945 г., что объяснялось победой Советского Союза и союзников во Второй мировой войне. Именно в этот период многие русские эмигранты в европейских государствах приняли решение вернуться на Родину, часть из них действительно получила советские паспорта и уехала в Советский Союз, а во Франции была создана организационно поддерживающая советское государство – Союз русских (затем – советских) патриотов. После войны мнение о советской власти несколько изменилось, стало жёстче. Большинство политических объединений отказалось сотрудничать с советским режимом.

В феврале 1945 г. состоялась знаковая и для русской эмиграции, и для советского государства встреча в Париже группы русских эмигрантов с послом СССР во Франции А. Е. Богомоловым. На ней должны были обсуждаться дальнейшие отношения советского режима и эмиграции. По мнению многих корреспондентов А. Ф. Керенского, группу приглашённых возглавлял В. А. Маклаков. Эта встреча произвела сильное впечатление на эмиграционное сообщество. А. Ф. Керенский получил большое количество писем с пересказом событий и объяснениями причин этой встречи, хотя многие из корреспондентов лично не присутствовали на ней. Мнения о действиях В.А. Маклакова в среде эмигрантов были различными: от абсолютного неприятия до поддержки. Например, Б. Элькин писал А. Ф. Керенскому из Лондона в марте 1945 г., что В. А. Маклаков сообщил о признании эмиграцией советской власти и прекращении борьбы за

²⁷ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 03.11.1948.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 03.11.1948.

её свержение, но, по мнению Б. Элькина, встреча закончилась ничем. П. А. Берлин считал эту встречу глупостью, полагая, что её подготовили «юркие люди, шмыгающие между полпредством и эмиграцией»²⁸. Далее П. А. Берлин написал о В. А. Маклакове, который был избран почётным председателем Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, следующее: «... Маклаков уже совсем отстранился, не по принципиальным соображениям, а потому что он вновь назначен официальным представителем всей эмиграции и как таковой он не может принимать участие в отдельных политических группировках»²⁹. А. Альперин и А. Титов писали в июне 1945 г., что скандал разгорелся большой, а участникам встречи пришлось оправдываться и уверять, что они не пошли на соглашение с СССР³⁰. Событие фактически обсуждалось на протяжении нескольких лет, и сам Василий Алексеевич, объясняя свою позицию, в июне 1948 г. писал А. Ф. Керенскому: «Эмиграция была всегда разрознена... Рознь эмигрантов теперь оказалась непримиримой. Пошла она, во-первых, по линии коллаборантов; теперь это ослабло. И, во всяком случае, нетерпимость в этом отношении никого не позорит, но рознь в русской колонии пошла по другой линии; никто не говорит о терпимости к советам, о переходе на сторону их. Разногласие вышло на том: можно ли рассчитывать на эволюцию советской власти, на её оздоровление»³¹.

Причины, по которым В. А. Маклаков принял участие в беседе с советским послом, будут более понятными, если обратиться к двум его письмам 1944–1945 гг. Наибольший интерес представляет объёмное, на трех страницах письмо, написанное на английском языке, датированное 10 января 1945 г. В нём В. А. Маклаков изложил свои воззрения на политические события во Франции, в России и в мире и охарактеризовал тенденции, существующие в эмигрантских кругах³².

Ситуацию во Франции Василий Алексеевич описывал как очень сложную. Он даже полагал, что восстановить всё разрушенное будет не только сложно, но и невозможно, поскольку власть имеет «двойное лицо»; он писал о русофобии, с которой приходится мириться³³.

²⁸ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 36. Дело 133. Письмо от 29.04.1945.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 36, D. 133, Pis'mo ot 29.04.1945.

²⁹ Там же.

Ibidem.

³⁰ Там же. Письмо от 15.06.1945.

Ibid, Pis'mo ot 15.06.1945.

³¹ Там же. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 21.06.1948.

Ibid, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 21.06.1949.

³² Там же. Письмо от 10.01.1945.

Ibid, Pis'mo ot 10.01.1945.

³³ Там же.

Ibidem.

Характеризуя русскую европейскую эмиграцию, В. А. Маклаков выделил в ней три группы³⁴. Первая группа – «непримиримые», призывавшие к новой войне с Россией и насильственному свержению власти. Вторая группа – «капитулянты», поддерживавшие советское правительство и предлагавшие принять его. Третья группа – «выжидающие», эти эмигранты считали необходимым отказаться от сиюминутной вооружённой борьбы с советским правительством, но не оправдывали советское правительство даже после блестящей победы над Гитлером и возлагали надежды на «эволюцию» советской власти. Себя Василий Алексеевич относил к третьей группе, считая такую позицию способной объединить и примирить людей с разными политическими взглядами³⁵.

Сожалел ли он о своём участии в этой встрече с советским послом, не совсем ясно, но в одном из писем к А. Ф. Керенскому он написал следующее: «... каяться в ошибках можно друзьям, единомышленникам, а не публике»³⁶.

Можно считать, что именно убеждение В. А. Маклакова в возможности свержения любого политического режима в России только путём эволюции этого режима от самоутверждения к саморазрушению послужили причиной его встречи с официальным представителем советского государства. Аудиенция с послом предоставляла возможность высказать своё мнение и услышать оппонентов, но, к сожалению, по словам Василия Алексеевича, она ни к чему не привела. Никакого примирения, а тем более сотрудничества с советским режимом для В. А. Маклакова быть не могло, оставалось только ждать, когда этот режим «усомнится» в самом себе.

В. А. Маклаков не поддерживал советскую власть, но и не был сторонником организации переворота в России путём масштабных военных действий. Он верил в эволюцию советского режима и его саморазрушение. Василий Алексеевич писал А. Ф. Керенскому в июне 1948 г.: «Я не могу согласиться, что вера в возможность их эволюции опозорила того, кто так глядел, что необходима непременно революция и виселицы для побеждённых. В этом желании побежденных врагов истреблять за одно несогласие – я вижу такое разложение эмиграции, что не считаю её способной способствовать возрождению России. Здесь мое огорчение, которое Вы заметили в письмах. И ещё больше потому, что в этой нетерпимости больше “тактики”, чем серьёзного увлечения...»³⁷.

³⁴ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Коробка 32. Дело 120. Письмо от 10.01.1945.

HRHRC. Alexander Kerensky's papers, Korobka 32, D. 120, Pis'mo ot 10.01.1945.

³⁵ Там же.

Ibidem.

³⁶ Там же. Письмо от 21.06.1948.

Ibid, Pis'mo ot 21.06.1948.

³⁷ Там же. Письмо от 21.06.1948.

Ibid, Pis'mo ot 21.06.1948.

«A COUP CAN ONLY HAPPEN WHEN THEY DOUBT THEMSELVES ...» (VASILY ALEKSEEVICH MAKLAKOV'S LETTERS TO ALEXANDER FEDOROVICH KERENSKY. 1948 – 1949)

O. G. Leontieva

The Tver' State University, the Department of Documentation and Archival Studies, *Tver', Russia*

The results of the study of the correspondence of V. A. Maklakov and A. F. Kerensky for 1944, 1948–1949 are presented. The letters of V. Maklakov contain an analysis of the political situation in France and Russia, characterize the Soviet government and Russian emigration in France, assess the possibilities of Russian emigration for liberation from Bolshevism and the revival of Russia. The author notes that a special place in the letters of V. A. Maklakov is taken by the discussion of the meeting of representatives of Russian emigration circles with the Soviet ambassador in 1945 in Paris. The author analyzes the views of V. A. Maklakov on the political structure of Russia, on the tasks and possibilities of Russian emigration, reveals his attitude to cooperation with the Soviet government, to the possibility of a coup in the Soviet Union.

Keywords: *Russian emigration, private letters, V. A. Maklakov, A. F. Kerensky, liberation from Bolshevism, cooperation of emigration with the Soviet authorities.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра документоведения, историографии и архивоведения, Тверской государственный университет, (17010, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 208), e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

About the authors:

LEONTIEVA Olga Gennadyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of Documentation, Historiography and Archive Studies, the Tver' State University, (17010, Tver, Tryokhsvyatskaya Str. 16/31, room 208), e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2018 г.